

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическая и социальная жизнь.

I.

I. Центральная власть.—II. Организация мѣстнаго управленія.—III—Мѣстничество.—VI. Община.—V. Организация суда и законодательства.—VI. Экономическій строй.—VIII. Финансы.

Центральная власть.

Не сразу была поставлена и пущена въ ходъ машина. При вступленіи на престолъ Грознаго, она представляла собою уже очень сложный механизмъ съ многочисленными колесами. Если согласиться съ Ключевскимъ (Боярская Дума 1881, 2-ое изд., стр. 119 и сл.), они являлись слѣдами прежняго устройства—въ нѣкоторомъ родѣ, домашняго, приспособленнаго къ скромному обиходу всѣхъ удѣльных князей. Если же вѣрить Сергѣевичу (Русскія юрид. древн. II, 434), они были уже вполне опредѣленными политическими органами. Здѣсь я не буду объ этомъ спорить. То были присутственныя мѣста, или вѣрнѣе—департаменты, число которыхъ все возрастало, и вѣдомства которыхъ были крайне неравномѣрно распредѣлены. Это зависѣло отъ того, что возникновеніе и развитіе ихъ находилось въ соотвѣтствіи съ успѣхами завоеваній и колонизаціи. Нѣкоторые приказы, болѣе давняго происхожденія, вѣдали извѣстныя дѣла многихъ областей. Таковъ былъ *разрядный приказъ*, вѣдавшій дѣла военныя. Другимъ же, напротивъ, были поручены всѣ дѣла какой-нибудь недавно приобрѣтенной области. Таковъ былъ *Казанскій Дворецъ*, учрежденный послѣ взятія города. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ,—*польскій приказъ*—было, конечно, одно на всю державу. Наконецъ, нѣкоторые областные приказы, такъ называемые Московскій, Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій—огра-

ничивались вѣдѣніемъ извѣстныхъ дѣлъ въ предѣлахъ этихъ земель и соединяли такимъ образомъ черты, общія двумъ первымъ категориямъ указанныхъ учреждений.

Вездѣ царилъ безпорядокъ. Чтобы приводить въ дѣйствіе машину и управлять всѣми ея колесами, былъ необходимъ центральный рычагъ. Гдѣ же былъ онъ? Въ рукахъ государя? Повидимому, нѣтъ. Во главѣ вѣдомствъ стояла *Боярская Дума*,—нѣчто напоминающее «Совѣтъ» первыхъ Капетинговъ, или *curia regis* норманскихъ королей въ Англіи. И тамъ, и здѣсь то былъ продуктъ исторіи. Съ одной стороны, Дума была дѣломъ національнаго объединенія, происходившаго въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ XV в.; съ другой она являлась послѣдствіемъ военной организаціи національнаго государства. Предводитель войска, князь Московскій, долженъ былъ, какъ и всѣ военачальники, совѣтоваться со своими помощниками въ важныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ *Боярская Дума* произошла собственно изъ военнаго совѣта, который въ послѣдствіи измѣнилъ свой характеръ благодаря сложности разбираемыхъ въ немъ вопросовъ. Глава вотчины, князь, долженъ былъ считаться съ потомками своихъ прежнихъ соратниковъ, сѣвшихъ теперь, какъ и онъ самъ, на наслѣдственные земли и пользовавшихся тамъ извѣстною властью. Военный совѣтъ сталъ вѣдать такимъ образомъ дѣла политическія, при чемъ составъ его принялъ ярко выраженный аристократическій характеръ.

Въ XVI в. семьдесятъ родовъ, изъ нихъ сорокъ княжескихъ, повидимому, имѣли право на участіе въ Боярской Думѣ. Но было ли то дѣйствительно правомъ? Нѣтъ, скорѣе это было возможностью, осуществить которую зависѣло отъ воли государя. Въ одномъ этомъ проявляется полное ничтожество учрежденія, которое, казалось бы, могло ограничить абсолютизмъ власти. Отсутствіе корпоративнаго устройства не позволяло Думѣ пріобрѣсти достаточную прочность. Большое количество бояръ и князей присутствовало обыкновенно въ Думѣ; но, рядомъ съ ними, засѣдаетъ, превышая ихъ числомъ, множество чиновниковъ, не князей и не бояръ: то высшіе чины—*окольничьи* (отъ слова *около*, находящіеся около князя), или *дворяне*, состоящіе при дворѣ, или, наконецъ, простые *дьяки*. Въ дѣйствительности, не надо было происходить изъ знатнаго рода, чтобы быть призваннымъ въ Думу. Въ спискѣ 1527 г. мы не находимъ ни Голицына, ни Куракина, ни Воротынскаго, ни Пронскаго, ни Хован-

скаго, ни Прозоровскаго, ни Репнина. ни Салтыкова. А это знаменитѣйшія имена вѣка. Присутствіе кого-нибудь въ Думѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней вовсе не означало, что такъ будетъ и впредь. Для одного дѣла, изъ ста или большаго количества занесенныхъ въ списокъ лицъ призывалось 20, для другого—только восемь. Никакихъ правилъ, даже никакого порядка, который могъ бы хотя замѣнить ихъ. Какъ чинъ, такъ и обязанности думнаго дворянина зависѣли вполне отъ князя, при чемъ между тѣмъ и другимъ не было необходимаго соответствія. Здѣсь мы видимъ въ зародышѣ будущую организацію чиновничества.

Компетенція Думы была обширна и, пожалуй, неограниченна. Дума не довольствовалась тѣмъ, что освѣдомляла князя. Сообщая съ нимъ, она пользовалась властью законодательной, судебной и административной. Она управляла въ самомъ широкомъ значеніи слова. И не только коллективно, но даже индивидуально. Послѣ обсуждения какого-нибудь вопроса внѣшней политики думный дворянинъ могъ быть посланъ намѣстникомъ въ Вятку, вслѣдъ затѣмъ назначенъ командовать войскомъ въ Сѣвскъ, а между двумя этими службами ему могъ быть данъ приказъ идти за крестомъ въ какомъ-нибудь торжественномъ крестномъ ходу вмѣсто князя. Наконецъ, его могли послать къ какому-нибудь знатному лицу съ блюдомъ съ царскаго стола... Послѣ этого, вернувшись въ Думу, онъ принималъ участіе въ обсужденіи какой-нибудь тяжбы, перенесенной туда апелляціоннымъ порядкомъ. По крайней мѣры, одна статья Судебника 1497 г. прямо упоминаетъ о судебныхъ разбирательствахъ такого рода, происходившихъ въ Думѣ.

Чтобы передѣлать всѣ эти дѣла, Думѣ, пожалуй, не хватило бы двухъ ежедневныхъ засѣданій, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись: первое назначалось въ 7 ч. утра лѣтомъ и продолжалось до часу—двухъ пополудни; второе открывалось уже послѣ обѣдни, за которой думные дворяне должны были присутствовать вмѣстѣ съ княземъ, вслѣдъ за обѣдомъ и отдыхомъ,—словомъ, отъ заката солнца до довольно поздняго ночного часу. Но въ дѣйствительности, этотъ тяжелый трудъ былъ удѣломъ только нѣкоторыхъ думныхъ бояръ, да и то съ большими промежутками. Большею частью учрежденіе бездѣйствовало. Да и была ли Дума учрежденіемъ? Она была скорѣе фиктивнымъ раздѣленіемъ власти, а уже съ XVI в. ее можно назвать тѣнью и обманчивой видимостью. Дѣйствовала ли Дума от-

дѣльно отъ верховной власти или согласно съ ней,—традиція неизмѣнно сочетала всякій актъ воли государя съ работою Думы. Если князя не было—его присутствіе всегда подразумѣвалось въ Думѣ; а если онъ дѣйствовалъ одинъ,—предполагалось, что онъ дѣйствуетъ сообща съ Думой. Напрасно, мнѣ кажется, Сергѣевичъ усомнился въ идеѣ этого мистическаго союза: она пережила Думу и опять воплотилась въ отношеніяхъ Петра Великаго и его Сената. Несомнѣннымъ фактомъ, особенно съ XVI в., была личная и абсолютная власть. Эту власть государь осуществлялъ при помощи другой совѣщательной коллегіи; болѣе ограниченные размѣры ея и произвольно избираемый личный составъ давали еще болѣшую свободу абсолютизму. То былъ совѣтъ, собиравшійся большей частью въ государственной опочивальнѣ «у постели» и состоявшій только изъ двухъ или трехъ бояръ или довѣренныхъ людей, безразлично какого происхожденія. Этотъ совѣтъ соотвѣтствовалъ такъ наз. *commune consilium*, который дѣйствовалъ на ряду съ *magnum consilium* въ политическомъ устройствѣ всѣхъ европейскихъ монархій. Но въ Москвѣ онъ имѣлъ меньшую определенность; онъ былъ непостояненъ и вполнѣ подчиненъ волѣ и капризу князя.

Но у князя есть области, гдѣ его власть не находитъ даже видимаго ограниченія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, судопроизводство находится въ рукахъ его прямыхъ агентовъ; такой порядокъ представляетъ либо полную привилегію государя, либо льготу, дарованную населенію въ силу особыхъ грамотъ (тархановъ).

Подобнымъ же образомъ ему принадлежитъ просмотръ просьбъ, которыя по старинному обычаю позволяется направлять къ князю; наплывъ ихъ вызвалъ въ XVI в. учрежденіе особаго «*Челобитнаго приказа*»,—зерна будущей «Тайной Канцеляріи».

Такимъ образомъ государь является настоящимъ и притомъ единственнымъ правителемъ; что касается его совѣтниковъ, «служилыхъ людей», то это—просто солдаты, которыми онъ командуетъ,—пѣшки, которыя онъ передвигаетъ по шахматной доскѣ, безъ малѣйшей возможности сопротивленія съ ихъ стороны и безъ какого-либо контроля. Въ арміи военный совѣтъ пріобрѣтаетъ вѣсь и значеніе; онъ даже настаиваетъ на своихъ рѣшеніяхъ во время неудачнаго похода; но пусть улыбнется побѣда счастливому и самонадѣянному вождю,—прощай, генеральный штабъ! Плановъ Наполеона обсуждать нельзя. Москва побѣдила; она продолжаетъ торжествовать, и вотъ, несомые

на крыльяхъ счастья, наслѣдники Калиты, не отвѣчая за прошлое, не желаютъ ни съ кѣмъ считаться и въ будущемъ.

Таково было положеніе вещей въ центрѣ. Тотъ же типъ военной организаціи устанавливается и на окраинахъ.
